

Лямин С. К.,
Олейникова С. Д.
(Тамбов)

УДК 128

«СМЕРТЬ» В МЕНТАЛИТЕТЕ КРЕСТЬЯН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Рассматривается связь категории смерти в контексте природного, хозяйственно-го, социального, духовного существования крестьянина. Анализируются субъективные и объективные факторы, воздействующие на представление о смерти. Раскрывается зависимость крестьянской жизнедеятельности от окружающей среды, так как в структуре крестьянского менталитета природа занимала особое место. В статье приведены пословицы, поговорки, примеры из сказок, подтверждающие, что жизнь отдельного человека была зыбкой, постоянно находилась под угрозой смерти. Затрагивается тема православной интерпретации смерти, где мирское и духовное трактуется как своеобразное противостояние. Дан анализ восприятия взглядов крестьян на детскую смертность, где акцент делается на то, что крестьянка была в ответственности за выживание всей семьи в целом, всех детей, а не каждого отдельного ребенка. Затрагивается категория «покоя» как высшего наслаждения. Воплощением этой высшей ценности является рай, а путь к её достижению лежит через смерть, которая избавляет человека от груза ответственности. Делается вывод о том, что основные аспекты крестьянского образа смерти связаны с конкретно-практической жизнедеятельностью крестьянина, крестьянской семьи и крестьянской общины, которая должна была заботиться о жизни общины в целом, а не унывать в связи со смертью конкретного человека.

Ключевые слова: крестьянин, смерть, природа, фатальность, религия, язычество, ребёнок, менталитет, община, болезнь, покой, жизнедеятельность.

The connection of the category of death is considered in the context of the natural, economic, social, spiritual existence of a peasant. Subjective and objective factors influencing the idea of death are analyzed. The dependence of peasant life on the environment is revealed, since nature occupies a special place in the structure of the peasant mentality. The article contains proverbs, sayings from fairy tales, confirming that the life of an individual was unsteady, was constantly under the threat of death. The theme of the Orthodox interpretation of death is touched upon, where the worldly and spiritual are interpreted as a kind of confrontation. An analysis of the perception of peasant views on child mortality is given, where the emphasis is on the fact that the peasant woman was responsible for survival of the whole family as a whole, all children, and not each individual child. The category of «peace» is affected as the highest pleasure. The embodiment of this highest value is paradise, and the way to achieve it lies through death, which relieves a person of the burden of responsibility. It is concluded that the main aspects, of the peasant way of death are connected with the concrete practical life of the peasant, the peasant family and the peasant community, which was supposed to take care of the life of community, as a whole, and not lose heart due to the death of a particular person.

Keywords: peasant, death, nature, fatality, religion, paganism, child, mentality, community, disease, peace, vitality.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-109-121

Существование крестьянина в Российской империи определялось двумя событийно-временными циклами, которые различались по размеру: во-первых, ритмом сезонных работ, во-вторых – повторяющейся из поколения в

поколение динамикой основных жизненных этапов. Повседневное существование крестьянской семьи не предполагало новаций. Смена отдельных жизненных этапов от детства и юности к созданию семьи и собственного хозяйства, а затем к старости и смерти представляла собой единый для всех воспроизводимый сценарий, в основе которого лежали традиция и обычай. Эта «схема бытия» воспроизводилась без каких-либо существенных изменений в каждом новом поколении. Поэтому для крестьянина его будущее не являлось неизвестным и непредсказуемым, а, напротив, представлялось точной копией предшествующего цикла жизни старшего поколения. Ведущую роль в формировании такого образа жизни играла крестьянская семья. В этой связи очень характерно наблюдение известного этнографа С. В. Максимова: «...мы вошли в избу, когда там родилась новая живая душа, крестьянский сын, будущий поилец-кормилец семьи, вечный труженик, и непременно хлебопашец» [10], т.е. крестьянин даже не мог представить себя в какой-то иной роли. Жизненный путь не был инвариантным. Иначе говоря, по словам Н. Н. Козловой: «временной цикл подобен природному: здесь господствует представление о «времени-круге», вечном возвращении» [9].

Таким образом, время крестьян было циклично. Любое отклонение от нормы воспринималось как грех. Смерть рассматривалась как неотъемлемый компонент жизненного цикла. Неприятие смерти было столь же немислимо, как отрицание, например, наступления зимы вслед за осенью.

Среди русских пословиц, собранных В. И. Далем, можно встретить пословицы, отражающие циклическую необходимость смерти. Все они отражают одно и то же отношение к ней: то, что неизбежно, «суждено», с тем следует смириться. «Смерть да жена - Богом суждена» - здесь женитьба такой же этап жизненного цикла, как и смерть. «Сим молитву деет, Хам пшеницу сеет, Афет власть имеет, смерть всем владеет» - смерть - логическое завершение всякой земной деятельности. «Прежде смерти не умрешь» - «всему свой черед» [5, с. 285-286].

Как замечает А. В. Гордон, «крестьянское мировосприятие во всех своих этнокультурных проявлениях выражает слитость способа производства с образом жизни, единство производства средств существования с самим существованием. Извечно в глазах крестьян земледелие выступало космическим процессом, соединяющим время и пространство, духовную и материальную сферы, человеческий мир и природу, жизнь и смерть» [3, с. 59]. Как мы полагаем, цикличность сельскохозяйственной деятельности, и цикличность жизни оказывали существенное воздействие на формирование крестьянского представления о смерти как о нечто само собой разумеющемся - гармонично вписанным во всеобщий социальный и природный круговорот явлений.

Крестьянская жизнедеятельность в значительной мере зависела от окружающей среды. Наряду с цикличностью, в крестьянском сознании отражалось и другое качество природного окружения – господство неведомых непредсказуемых сил над жизнью человека. Фатальность традиционной зависимости крестьянского хозяйства от природных процессов оборачивалась фатализмом крестьянского мировоззрения. Крестьянин в этом смысле, как указывают Л. В. Данилова и В. Г. Данилов, «выступал как «естественный человек» - вся его жизнь протекала в непосредственном общении с природой и с ограниченным кругом таких же земледельцев, составлявших замкнутое сообщество. Прямым следствием локализма общины и зависимости от природных условий являлось растворение личности в коллективе и господство представлений о человеке как о марионетке в руках могущественных неизвестных сил» [6, с. 25-26]. Н. Н. Козлова уточняет эту мысль: «Крестьянское существование – жизнь на краю. Крестьянин живёт на границе природы и общества. Природа... постоянно грозит погубить крестьянские надежды на урожай и изобилие» [9].

В структуре крестьянского менталитета природа занимала особое место. Непрерывно взаимодействуя с природой, испытывая её влияние на свою жизнь, здоровье и благополучие, крестьяне накапливали опыт её познания. Результаты этих влияний приводили к тому, что «общая ёмкая формула всеохватывающего господства над миром и людьми Высшего Существа – Бога совмещается в крестьянском миропонимании с тягой к архаическим дохристианским трактовкам Природы («огонь - царь», «вода - царица», «земля - матушка», «небо - отец», «ветер - господин», «дождь - кормилец», «солнце - князь», «луна - княгиня»))» [11, с. 44]. Отождествляя силы природы, ежедневно вмешивающиеся в его жизнь и хозяйство, с потусторонними силами, с Судьбой, крестьянин воспринимал смерть как непонятную сверхъестественную волю, безраздельно господствующую над ним. Здесь так же, как и в случае с цикличностью, из осознания неизбежности смерти вытекает смирение с ней.

Крестьянскому сознанию свойственен фатализм, поскольку с неблагоприятными условиями среды отчасти могла бороться лишь община в целом, но не каждый человек в отдельности. Эта социально-хозяйственная «беспомощность» отдельного индивида переносилась и на представления о его «беспомощности» перед смертью. Община наделялась свойствами устойчивости и постоянства. Напротив, жизнь отдельного человека была зыбкой, постоянно находилась под угрозой смерти. Народная мудрость гласила: «Дума за горами, а смерть за плечами» [8, с. 356]. И. И. Дубасов, изучивший огромное количество архивных источников, отражающих повседневную жизнь крестьянства, так описывает ежеминутную близость смерти к крестьянину: «Крайне неприглядна была наша крестьянская жизнь. Для многих наших крестьян самая смерть, этот всеобщий примиритель, нередко являлся при особых и чрезвычайных обстоятельствах. Иной, например, провалился в колодезь и утонул там, другого, задавил воз с сеном, третий погиб под глыбой глины, которую копал он, или под деревом, неосторожно срубленным; иного разорвали волки, или медведь задавил, или бык забодал, или конь убил копытом, или свинья съела, кого зацепило крылом мельницы-ветрянки, кто умер от излишнего употребления горячего вина или от неудачного оскорбления, кто безвременно лёг на кулачном бою...» [7, с. 138-139].

Аналогичную картину можно наблюдать в русских народных сказках, которые записывал А. Н. Афанасьев. Например, в сказке про смерть петушка этот самый петушок подавился зернышком и умер, в некоторых других сказках главный герой то в яму провалится, то кобыла лягнёт насмерть, то баба яга упадет в огненную реку и умрет, дочь Чувилихи будет съедена ей же по глупой ошибке [14, с. 38, 42, 68, 105].

Таким образом, можно сделать вывод, что непрерывная угроза со стороны окружающей среды и беспомощность человека перед этой угрозой естественным образом способствовали формированию в крестьянском сознании фатального отношения к смерти. Ведь А. Н. Афанасьев записывал сказки со слов крестьян, очевидно, что все герои сказок имеют прямую связь с ощущениями русского народа.

О том, что крестьяне относились к смерти как к само собой разумеющемуся, можно извлечь из количественного анализа сборника А. Н. Афанасьева: в 62 сказках из 117 кого-то убивают или съедают, либо он умирает сам своей смертью, либо по случайности, а это немногим больше половина сказок. Ведь мы не можем игнорировать тот факт, что сказки были неотъемлемой частью жизни крестьянина, следовательно, типичные предрассудки и убеждения произвольно находили свое отражение в них.

В тексте очерка С. В. Максимова присутствуют диалоги крестьян, в которых они активно используют сказки, поговорки и загадки, что является еще одним доказательством вышесказанного, например: «...жили да были баран да овца: поставили они стог сенца, - не начать ли-де сказку опять с конца» [10, с.219] или «Не еще, - продолжал разговорившийся загадчик, - два стоят, два лежат, один ходит, другой водит» [10, с. 219].

«Неугомонный шутник рассказывал потом настоящие сказки, предварив, что это бивальщина и случилась от него по соседству. Рассказанная сказка воодушевила не только

баб, но даже и остальных певцов, из которых каждый рассказал также по бывальщине. Невестки только слушали, дивились диковинкам и искренне верили рассказываемому. Одна только свекровь заметила, что песня – быль, а сказка – ложь; но тотчас же рассказала про лешую, которую сама видела, когда...мыла белье в реке» [10, с. 220].

В течение столетий у крестьян отсутствовала связь между трудовыми затратами и эффективностью труда (количеством полученного урожая). Это не могло не повлиять на формирование своеобразного скептицизма по отношению к собственным хозяйственным усилиям в сложных природно-климатических условиях. В рамках менталитета всё это формировало некое безразличие к собственной жизни и жизни своей семьи [11, с. 52-55].

Таким образом, всемогущая и неизбежная смерть воспринималась не с ужасом, а с безразличием, поскольку бороться с превратностями окружающего мира представлялось бессмысленным и даже греховным.

По подсчётам Б. Н. Миронова, в собрании русских пословиц В. И. Даля в 39 пословицах выражена идея, что «всё в мире творится не нашим умом, а Божьим судом», в 21 – «Чему быть - тому не миновать», в 3 – «Всё во власти Божьей и государевой» и лишь в 7 – «на Бога надейся, а сам не плошай» [12, с. 330]. Вот некоторые примеры: «Человек рождается на смерть, а умирает на жизнь», «От смерти не посторонишься», «Смерть на жизнь дана», «И всяк умрет, как смерть придёт», «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», «Это вернее смерти» [4, с. 285-286].

Фатальность смерти, как демонстрируют источники, отражалась также в распространённых среди крестьян суевериях. Наступление смерти зависело не от воли человека или земных обстоятельств его жизни, но от воли неких сверхъестественных сил, которую можно было предугадать средствами обрядовой магии. «Младенец не переживёт детских годов, если во время крещения волосики его, закатанные в воск и оброненные в купель крестным отцом, пойдут ко дну» [18, с. 228-234]. «Увидать домового – к беде, к смерти» [4, с. 285-286]. «Под новый год можно узнать, кто умрёт в течение года. Для этого надо около полуночи сесть одному на церковную паперть. В самую полночь, пока сторож ударяет в колокол, пойдут друг за другом в церковь люди. Надо постараться их узнать и слушать, что запоют каждому из них, когда он входит в церковь. Кому запоют свадебный стих, тот женится или выйдет замуж в течение года, а кому «со святыми упокой» - тот непременно умрёт» [18, с. 228-234].

Таким образом, объективные условия крестьянского существования (давление окружающей среды, цикличность жизнедеятельности) вносили в крестьянские представления о неизбежности смерти ярко выраженный фатализм.

Спокойное смиренное отношение крестьян к смерти соответствовало не только объективным условиям их жизнедеятельности, но и православной интерпретации смерти. Мирское и духовное здесь трактуется как своеобразное противостояние: «Земное неустройство тяготит, а на Суде, как считали тогда, будет восстановлена справедливость – Правда... Царство Небесное получают праведники, заслужившие его муками и страданиями в земной жизни. К смерти относились как к величайшему моменту духовного освобождения» [21, с. 411, 419]. После смерти расходятся пути праведников и грешников. Перед лицом смерти теряли значение как земные тяготы, так и земные блага. Так, в собрании русских народных сказок А. Н. Афанасьева подобные сюжеты весьма многочисленны. Вот пример такого рода сюжета: почувствовав приближение смерти, старик-скряга стал глотать нажитые им деньги и ассигнации... Появившийся ночью нечистый поднял мёртвого старика на плечо и начал его трясти – деньги и ассигнации посыпались наружу. Присутствовавшему в комнате дьячку нечистый сказал: «Деньги твои, а мешок мой!» [14, с. 82]. Вариантов только этой сказки известно одиннадцать. Вот ещё один подобный сюжет. Мужик попадает в ад за то, что при жизни, накопив много денег, не раздавал их нищим.

Избавление от адских мук он получает лишь тогда, когда сыновья раздали эти деньги нищим и построили мост [14, с. 82].

Смерть воспринималась как переход к лучшей – небесной – жизни. Это являлось ещё одной причиной спокойного отношения православного крестьянина к своему уходу из жизни и своих близких, которые теперь безмятежно пребывают в раю [12, с. 205]. «Мать не должна плакать по своему умершему младенцу, поскольку ему хорошо и светло в раю – её же слёзы капают на него и жгут его» [18, с. 231].

Один из известных русских писателей, собирателей фольклора И. И. Железнов (1824-1863) приводит рассказ крестьянина о смерти женщины: «Родные потужили, погоревали, однако не плакали, не рыдали. Зачем плакать-рыдать? Праведная душонка оставила сей бранный свет, сию юдоль печальную, и переселилась в райскую обитель, где нет ни плача, ни въздыхания, но жизнь вечная. И в Святом писании, заметил рассказчик сказано, что де немалый грех, плакать по покойникам, а что-де радоваться должно» [13, с. 342].

Христианская интерпретация смерти примеряла человека с этим событием. Несмотря на то, что многие исследователи указывают на значительный элемент язычества в мировоззрении крестьянства, необходимо отметить, что в целом это мировоззрение (и, в частности, представление о смерти) формировалось под воздействием православной этики и космогонии.

В действительности два пласта: пласт языческой религии и пласт православной веры смешались в сознании крестьян, образовав некий симбиоз. Об этом показывают сведения XIX - начала XX века. Несмотря на то, что христианство вошло в жизнь русских людей девять веков назад, языческое все еще оставалось сильно в их представлениях о «мифическом», «незримом», «неизведанном», «духовном». По-прежнему крестьяне верят в домовых, в леших, в то же время в случае мистического, назовём так, курьёза приглашается священник для «отчитки» [10, с. 220].

Известно, что в XIX веке в рамках потаковщины была распространена форма неписанного договора между крестьянином и священником, суть которого выходила за рамки христианских канонів. Эти договоры имели отношение к выполнению языческих ритуалов: например, вырывание из земли тел самоубийц и бросание их в воду для вызова дождя, обливание водой или погружение священника в водоем для той же цели, катание его по полю для плодородия, забивание с его помощью осинового кола в тело мертвого колдуна и т.п. [1, с. 72].

Опыт сравнительного анализа двух символических систем (языческой и христианской), оформлявших кардинальные вехи человеческого бытия в единстве жизни и смерти, может помочь конкретнее ответить на вопрос о представлениях крестьян. Вот высказывание одного выдающегося церковного деятеля богослова архиепископа Михаила: «как показывает исторический опыт Церкви, именно миряне оказываются той питательной почвой, на которой... расцветают обрядоверие, суеверие, начетничество...». Одно название главы публицистической статьи Г. П. Федотова «...смесь религиозного минимализма (то бишь обрядности) с рационализмом и суеверием» говорит о том, что язычество наряду с православием оказывало важное влияние на представления крестьян о смерти, болезни и старости.

Народно-христианские и православные представления в крестьянском менталитете смыкались. Вот некоторые примеры:

1. Каждому человеку положен свой предел земной жизни, которого он не знает (если не считать прозрений святых (пророков и т.п.). ср.: «Никто живой предела своего не изведдал» [4, с. 548].

2. Человек должен быть готов к смертному переходу в любом возрасте – в любую «стражу»; ср.: «Живи надвое: и до веку, и до вечеру» [4, с. 544].

3. Смерть – переход в иное бытие: «Великое таинство рождения... в вечность»; ср.: «Земной быт не всему предел» [4, с. 561].

4. Характер смерти и загробная жизнь – «состояние души» (церк.) – зависят от качества земной жизни; ср.: «Каково житье, такова и смерть» [2, с. 182].

Представители обоих миров – люди и умершие (души) – составляют сообщество и находятся в постоянном взаимодействии: у каждого христианина «есть свое предопределенное место в Церкви Христовой, в которой он связан с живыми и умершими» [2, с. 182]. Священник П. Флоренский называл это «соборностью», О. С. Булгаков – «наследием Церкви невидимой, которую составляют живущие, отошедшие в мир иной и ангелы» [2, с. 182]. Народ, как известно, жил в тесном сообществе с предками, к которым он относил своих родовых духов, духов природы и всех святых.

Церковному опыту известен и феномен, который принято относить к язычеству народной веры: живое общение с умершими, т.е. признание за душами способности чувственного восприятия земных дел и участия в них (Евангелие от Луки 16:19-31 – притча о богаче и бедном Лазаре). В качестве примера можно привести предсмертное напутствие Серафима Саровского духовным детям, оправдывающее народный обычай общения с умершими на кладбище в поминальные дни: «Когда меня не станет, вы ко мне на гробик приходите... Припав к земле как к живому, все и расскажете, и услышу я вас... Как вы с живыми всегда говорили, так и тут...» [1, с. 182].

Имеются сходные взгляды у Церкви и народа на один из самых трудноразрешимых для богословия вопросов – о телесности умерших, несмотря на разное понимание ее материи [12, с. 182, 183].

Анализируя отношение крестьян к смерти в XIX в., следует отметить их особое отношение к ней. На данном историческом рубеже в силу религиозных и общинных устоев, смерть представлялась большинству как неотъемлемая часть жизни и необходимый элемент перехода в новый, «лучший» мир. Следовательно, спокойное отношение к смерти в мышлении крестьян сформировано многовековым ходом развития тесно связанных сфер культуры и религии Европейской России.

Особое место в восприятии и взглядах крестьян на смерть – детская смерть. Известно, что высокая детская смертность не являлась причиной отчаяния и воспринималась как повседневное стандартное явление. Существуют сведения, что к смерти детей относились спокойно, не проявляя большой заботы об их выживании. Общая схема отношения крестьянских женщин к смертности детей была такова: «Жив, так и не тронь – живёт, а умер, так Бог прибрал – святая душенька будет», «Если ребёнок родился на живое, то выживет; если на мёртвое – то умрёт» [12, с. 199], «Бог дал – Бог взял», «Если ртов много, а хлебушка мало, то поневоле скажешь: –Лучше бы не родился, а если умрет, то и слава Богу, что прибрал, а то все равно голодать пришлось бы»» [12, с. 199]. Деревенские женщины того времени были далеки от понятия гигиены: ребенок мог часами лежать в собственных экскрементах при долгом отсутствии матери. А во время ее присутствия дитя она могла перевернуть в сутки всего лишь раз-два, а также подложить тряпки, чтобы он не «промок». Мыли младенца раз в неделю, белье не стирали, а просто высушивали. Не трудно догадаться, что подобные обстоятельства активно привлекали мух и других насекомых, особенно летом в жару. Нередко подобный «уход» приводил к болезням. Протоирей Гиляровский нередко наблюдал подобные картины: «кожа под шейкой, под мышками и в паху сопревает, получают язвы, нередко наполняющиеся червями», что является неувидительным [15, с. 4].

Подобный феномен крестьянского менталитета можно, на наш взгляд, объяснить несколькими факторами. Смерть была привычным явлением, и люди относились к ней как к таковой. Кроме того, крестьянки не могли уделять особого внимания выживанию детей в период полевых работ, носящих циклический характер. Главное здесь в том, что крестьянка

была в ответственности за выживание всей семьи в целом, всех детей, а не каждого отдельного ребёнка. С этой точки зрения полевые работы, обеспечивающие выживание семьи в целом, имели куда более важное эмоциональное значение, нежели смерть ребёнка. Ритм сезонных работ и первостепенная ответственность за всю семью, а не за отдельных её членов диктовали отношение крестьян к смерти детей.

Так же на деревенскую женщину влияли и домочадцы. Нередко появление лишнего рта принималось с недовольством и раздражением с их стороны: «Ишь ты, плодливая, облакалась детьми, как зайчиха. Хоть бы подошли твои щенки» [17, с. 8].

Еще один момент: невозможно не уделить внимание демографическим исследованиям, которые оказывают посильную помощь в изучении менталитета крестьян XIX века.

Например, изучив губернскую статистику г. Тамбова, можно увидеть, что коэффициент смертности в начале века был значительно выше, чем в конце (с 39% в 1834 г. до 29% в 1857 г. и до 18,7% в 1868 г.) [3, с. 128-139]

Однако Н. В. Стрекалова и Д. В. Стрекалов утверждают, что источники данных до середины XIX века были весьма недостоверными и невозможно отследить точный коэффициент рождаемости и смертности вследствие того, что запись данных была неточной и недобросовестной [19, с. 128-139].

Ко всему прочему, были и другие причины эмоционально сдержанного отношения к высокой детской смертности. Так, например, если крестьянке казалось, что кто-то из её детей способен выжить и вносить свою лепту в работу в хозяйстве, то на основе этих соображений она могла прийти к решению приложить больше усилий для выживания такого ребёнка, нежели других [16, с. 109]. Это один из способов выживания группы в неблагоприятных условиях - тактика неравномерного распределения ограниченных ресурсов.

В связи с проблемой детской смертности в крестьянской среде, исследователи часто поднимают вопрос о таком явлении, как детоубийство. Большинство современных историков отрицают широкое распространение подобного явления. Б. Н. Миронов приводит следующие возражения: «Если бы детоубийство практиковалось в больших размерах, то логично предположить, что в первую очередь устранялись бы дети с крупными и явными физическими дефектами, которые в условиях деревни обрекали семью на бедность и страдания. Между тем, число инвалидов и лиц с психическими отклонениями среди русских и других народов, исповедующих православие, было велико... По-видимому, о намеренном плохом уходе и детоубийстве речь может идти лишь в отношении безнадежных инвалидов, а также незаконнорожденных детей» [12, с. 203, 205-206].

Сельский коллектив всегда настороженно воспринимал выкидыши и смерть некрещеных детей, но отношение к матери зависело от ее репутации и поведения. Обвинять убитую горем мать считалось грехом, особенно для женщины: она могла получить наказание того же рода; например, вот свидетельство материнской халатности: по рассказу жителей одной орловской деревни, соседка обругала плачущую женщину, приспавшую свое дитя, и на следующий день приспала своего ребенка [12, с. 203, 205-206].

Отношение крестьян к смерти ребенка, безусловно, имело свою специфику, однако, в целом, оно было вписано в общее представление крестьян о смерти.

Безусловно, в формировании крестьянских представлений о смерти огромную роль играл духовно-культурный фактор – православная религиозная картина мира. Смерть здесь рассматривалась, как момент духовного освобождения от греховности и соблазна мирской жизни и поэтому носила позитивную эмоциональную окраску. Однако крестьянское сознание часто интерпретировало многие догматические религиозные положения в соответствии с объективными условиями своего существования, отчасти переплетая их с язычеством. Так, рай отождествлялся с категорией покоя как основной ценностью в

ежегодном интенсивном трудовом цикле. Поэтому смерть порой воспринималась как долгожданное событие.

Специалисты в области исторической психологии, изучая менталитет российского крестьянства XIX века, приходят к выводу о существовании в сознании крестьянина двух своего рода «ментальных пространств», в которых может пребывать живой человек. Специфику разделения этих двух категориальных систем мы рассмотрим во второй и третьей главах. Здесь же дадим лишь их краткую характеристику в контексте рассматриваемой проблемы. Первое пространство - сфера ответственности общины – пространство живых. Второе пространство – сфера ответственности Бога – пространство старых и больных. Именно фатальное отношение к смерти, свойственное крестьянскому мировоззрению, позволяет разделять эти пространства. Человек, ещё физически живой, но уже обречённый на смерть, выключается окружающими из потусторонней жизни общины и всецело поручается заботе Всевышнего. Это та ситуация, которая в русских пословицах характеризуется как «Смерть за порогом», «Смерть на носу» [5, с. 285-286].

Американский русист Д. Рэнсел рассматривает это разделение «ментальных пространств» как «тот же вид перекаладывания ответственности на Бога – своего рода «эмоциональное дистанцирование», сбережение эмоций. Мы читаем об этом относительно поведения крестьян с критически больными членами их семей» [16, с. 112]. Доктор, который долгое время имел практику в деревне, и писал о народной медицине, сообщал в начале 1880-х гг. о таком поведении. Он рассказывал: «Если у крестьянина возникнет идея, что у его дочери, жены, сына и так далее неизлечимая болезнь, и если обычное лечение не приносит улучшения, то несчастного пациента оставляли вполне на произвол судьбы. Без присмотра, одетый в грязные лохмотья он лежит где-нибудь в сыром углу или на голом кутнике, лишённый возможности найти удовлетворение своим, хотя и незатейливым, но насущным потребностям больного человека. Он становится лишней обузой экономике семьи, и все тягостятся им и смотрят на него с плохо скрываемым отвращением; и, если только форма болезни затяжная, то до слуха больного нередко долетают пожелания скорее переселиться в лоно Авраамово» [20, с. 841].

Такое поведение - вынесение человека за рамки ответственности - является своего рода механизмом преодоления чувства ужаса перед неизбежностью смерти у людей, для которых смерть была ежедневным опытом. В данном случае проявляется феномен социальной эксклюзии, в рамках которой тяжело больной человек перестает выполнять свои функции в общине и становится буквально за пределами крестьянского социума.

По современным представлениям физическая смерть человека наступает до того, как мы придаём его символической смерти через похороны и другие ритуалы. В крестьянской среде наблюдалось обратное явление. Например, «когда крестьяне отмечали детей, больных и стариков определёнными знаками как «нежилец», то помещали их таким образом в ту ментальную категорию, которая снимала ответственность за то, что произойдёт с ними с плеч семьи и общины» [16, с. 112]. Такие люди были символически вытеснены из мирской жизни до того, как они умирали физически. Они были помещены «ближе к Богу», обладали неким ореолом святости.

Исследователи указывают на характерные особенности этой границы между пространством, принадлежащим живым, и пространством, принадлежавшим старым и больным, которые скоро уйдут в мир иной. Напомним, что пространство последних — это пространство «промеж жизни и смерти», за которое ответственен Бог; а пространство живых — это пространство за которое ответственны община и семья. «Понятия «молодой жизнеспособный» и «старый нежизнеспособный», применявшиеся для того, чтобы позволить людям смириться с огромным количеством смертей вокруг них, могли быть расширены силами народных целителей, которые могли увидеть, почувствовать знаки смерти или выздоровления и могли убедить родственников не терять надежды, когда надежда ещё есть» [16, с. 113].

Таким образом, выражение крестьян, смотрящих в лицо серьёзной болезни или даже смерти своих родных — это нечто иное, нежели оставление на произвол судьбы. Здесь остаётся надежда на то, что человек может быть помещён из этого промежуточного положения, то есть из пространства старых и больных назад к жизни или же дальше — к Богу. «Народная медицина и народные категории мышления скорее, чем городская медицина, поняли и приспособились к этому положению промежуточного статуса, даже в том, что касается методов лечения» [16, с. 114]. Одним из таких случаев возвращения назад к жизни, являлись случаи исцеления после соборования. В народном представлении соборование приобрело значение предсмертного помазания, породившее представления о «нежизненном» статусе людей, выздоровевших после него: они считались как бы мертвецами, вернувшимися с того света. Однако, в большинстве русских регионов соборования избегали, а сподобившиеся его давали суровые обеты — никогда не есть мяса, прекратить супружеские отношения и т.п. [1, с. 162].

Символическая смерть, предшествующая смерти физической, не являлась проявлением жестокости и равнодушия общества. Крестьянин был убеждён, что неизбежность скорой смерти передаёт человека под покровительство Всевышнего. С другой стороны, можно предположить, что таким образом происходила бессознательная борьба человеческого разума с естественным страхом смерти.

Среди категорий, которыми оперировали крестьяне, размышляя о смерти, одной из главных является категория «покоя». Образ рая, как воздаяния за праведную жизнь, подменяется образом безмятежного покоя как высшего наслаждения.

Интенсивный ритм работы, постоянная угроза природных и социальных катаклизмов выдвигали покой в центр аксиологической системы. Естественно, воплощением этой высшей ценности являлся рай, а путь к её достижению лежал через смерть. И крестьянское сознание, и крестьянская община в целом имели своей главной задачей избежание существенных изменений, нарушающих состояние стабильности, то есть покоя.

Отсутствие возможности «прервать цепь земных тягот», по словам Л. В. Милова, приводило к «нервному срыву, ожесточению, отчаянию. В итоге крестьяне — божия наказания, голоду, бед, болезней и самой смерти не чувствуют», а «в воскресении мёртвых, о Страшном Суде и о воздаянии каждому по делам думать не хотят и смерть свою за покой (!) считают» [11, с. 52-55].

Смерть, приносящая с собой покой, интерпретировалась как награда, что нашло своё отражение в народной прозе: «Тётушка вдовство своё соблюла в должном порядке и в чистоте целомудренной... Одним словом от младости до старости вела жизнь воздержную и благочестивую, и за это сам Господь Бог и взыскал её таким счастьем, сподобил, значит, зарань увидеть рай и муку и уготовленное для неё самой место на том свете» [13, с. 352].

Как показывает анализ пословиц, во многих из них смерть имеет положительную эмоциональную окраску: «Бога прогневишь — и смерти не даст», «Лучше смерть, чем злая жизнь», «Смерть русскому солдату — свой брат». Привлекательность смерти — в одномоментном разрешении всех земных проблем: «Горя много, а смерть одна». Довольно часто понятие смерть употреблялась даже в уменьшительно-ласкательной форме: «Смерточка (!) моя пришла». Дальше приводит обширный список подобных форм: «смёртушка», «смерётка», «смерёточка», «смерётушка», «смерёдущка», «смёрточка», «семерёточка» [5, с. 285-286].

Во многих районах России XIX века не полагалось плакать по умершим, а, наоборот, за поминальным столом пели, звучала свирель. «Люди считали, что нужно радоваться, когда человек умирает, ибо он приобретает вечный покой» [18, с. 296]. Однако более распространённо было другое правило: оплакивать покойного можно и нужно, но унывать не следует.

С христианской точки зрения, плач был греховен, так как незаслуженно превозносил грешное бытие и земные дела/качества ушедшего, а оставшимся близким давал повод вы-

сказывать кощунственное нежелание жить без него (независимо от того, было ли это естественным порывом или сакральной обязанностью). Церковное сетование, не исключая скорби расставания, призывало людей обратить мысли и души к горнему миру, молиться о грехах покойного и своих собственных, чтобы и самим достойно подготовиться к переходу в мир иной, о чем говорится в одной из песен панихиды: «...и образом Твои Божественным почтй... на еже по подобию возведи» [1, с. 166].

Б. Н. Миронов приводит сведения о том, что «смерть воспринималась крестьянами как подобие сна, а сон и сновидения – как зона контакта со смертью, в силу чего сон и сновидение наделялись магическими функциями обережного (предохранительного) характера» [12, с. 205]. Смерть после жизни, таким образом, мыслилась как спокойный сон после долгого трудового дня.

Показательно в этом смысле представление о загробном мире, которое можно найти в уже упомянутом рассказе, записанном И. И. Железновым. Здесь в качестве наказания за тяжкие грехи фигурирует ад, а за незначительные – лишение покоя в некоем «третьем месте», помимо рая и ада. «...Пошли в третье место, где нет ни рая, ни муки, это место так и слывёт под прозванием: ни рай, ни мука, иль-бо: между раем и мукой. Тут обитают души в половине праведные, в половине грешные... И живут они... не то, чтобы в большом удовольствии, не то чтобы в большой изневаги, а так себе, ни то, ни сè, середка наполовину» [13, с. 344]. Здесь хотелось бы добавить, что страх перед смертью присутствовал только у особо грешных/нехороших людей: «Неповинная душа непристрашна к смерти» [4, с. 546].

Покой, таким образом, представлялся как переключивание забот о человеке на Бога; смерть избавляла человека не только от груза «житейских проблем», но и от груза ответственности.

Представления крестьян о смерти формировались под влиянием целого ряда объективных факторов. Иначе говоря, сама категория смерти была вписана в контекст природного, хозяйственного, социального, духовного существования крестьянина. Крестьянский менталитет формировался в определённой объективной среде. Воздействие разнообразных факторов этой среды на сознание крестьянина, преломлялось в его восприятии и порождало весь комплекс представлений о мире, в том числе и о смерти.

Следовательно, основные аспекты крестьянского образа смерти связаны с конкретно-практической жизнедеятельностью крестьянина, крестьянской семьи и крестьянской общины.

К объективным факторам крестьянского хозяйствования можно отнести цикличность сельскохозяйственных работ, неблагоприятные природно-климатические условия, постоянно угрожавшие поставить крестьянина на край гибели и др. Именно они способствовали формированию чувства беспомощности и смирения индивида перед лицом смерти, представление о смерти как о фатальном событии включённым в жизненный цикл.

Среди субъективных социальных факторов, воздействующих на представления о смерти, необходимо особо отметить общинную организацию, господство групповых форм деятельности, а также высокую смертность как среди взрослого, так и среди детского населения. В сочетании эти факторы порождали ощущение того, что существование индивида, в противоположность существованию общины, зыбко и неустойчиво. Такое качество, как прочность, способность бороться за выживание приписывалось целому (общине), а не частному (индивиду). Отсюда спокойное отношение к смерти человека, жизнь которого мистическое крестьянское сознание рассматривало как игрушку в руках сверхъестественных сил. Смерть была предрешена, и следовало заботиться о жизни общины в целом, но не впадать в уныние в связи со смертью конкретного человека. Таковая фатальность смерти приводила к выделению своего рода двух ментальных сфер пребывания человека: «пространство живых» и «пространство старых и больных».

За «пространство живых» отвечала община, а «пространство старых и больных» было поручено заботе Всевышнего, поскольку предрешённость смерти автоматически снимала ответственность с общины и семьи за жизнь человека.

Таким образом, символическая смерть – переход в потусторонний мир - наступала раньше физической. Вероятно, поэтому больные, юродивые, старики всегда были окружены ореолом святости, они располагались к Богу ближе, чем обычные живые люди.

Список источников и литературы

1. Бернштам, Т. А. (2000). *Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Опыт и учение Церкви в народном христианстве*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение. 400 с.
2. Бернштам, Т. А. (1988). *Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры*. Ленинград: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма "Наука". 278 с.
3. Гордон, А. В. (1996). *Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): Материалы международной конференции, 14.06.1994 – 15.06.1994*. Москва: Российская политическая энциклопедия. С. 51-74.
4. Даль, В. И. (2007). *Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 1*. Москва: Азбука, 2007.
5. Даль, В. И. (1994). *Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4-х т. Т. 4*. Москва: Русский яз.
6. Данилова, Л. В., Данилов, В. Г. (1996). *Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): Материалы международной конференции*. Москва. С. 22-39.
7. Дубасов, И. И. (1993). *Очерки из истории Тамбовского края*. Тамбов: Тамб. гос. пед. ин-т, 445 с.
8. *Живая вода: Сборник рус. нар. песен, сказок, пословиц, загадок: [Для сред. и ст. возраста]* (1977) [Сост., вступ. статья и примеч. В. П. Аникина]. Москва: Дет. лит., 367 с.
9. Козлова, Н. Н. (1999). *Социально-историческая антропология*. Москва: Ключ. 48 с.
10. Максимов, С. В. (1987). *Куль хлеба и его похождения*. Москва: Художественная литература. 392 с.
11. Милов, Л. В. (1996). *Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): материалы международной конференции*. Москва: Наука, 1996. С. 40-56.
12. Миронов, Б. Н. (1999). *Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 548 с.
13. *Народная проза* (1992). Сост., вступ. ст. подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. Москва: Русская книга. 608 с.
14. *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 3. (1957-1958)*. Подготовка текста, предисловие и примечания В. Я. Проппа. Москва: Государственное Издательство Художественной литературы (Гослитиздат).
15. Попов, Г. (1991). *Русская народно-бытовая медицина* (Репринт. воспроизведение изд. 1903 г.). Москва: Малое предприятие "Глобус". 404 с.
16. Рэнсел, Д. (1996). *«Старые младенцы» в русской деревне // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): материалы международной конференции*. Москва: Наука, С. 106-114.

17. Семенова-Тян-Шанская, О. П. (2010). *Жизнь «Ивана»: очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний*. Москва: ЛомоносовЪ.
18. Семенова, О. П. (1898). *Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан Рязанского, Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии // Живая старина*, вып. 2; кн. XXX. СПб.: типография князя В. П. Мещерского.
19. Стрекалов, Д. В., Стрекалова, Н. В. (2019). *К проблеме рождаемости в Провинциальном Российском городе в конце XVIII – в первой половине XIX века (на материалах Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. Т. 24. С. 128-139.
20. Шидловкий, К. (1883). *К характеристике народных воззрений на этиологию, сущность и терапию болезней. Из наблюдений земского врача // Медицинский вестник*. № 52. С. 841-842.
21. Юрганов, А. Л. (1998). *Категории русской средневековой культуры*. Москва: МИРОС. 448 с.

References

1. Bernshtam, T. A. (2000). *Molodost' v simbolizme perekhodnykh obryadov vostochnykh slavyan. Opyt i uchenie Tserkvi v narodnom khristianstve* [Youth in the symbolism of the transitional rites of the Eastern Slavs. Experience and teaching of the Church in popular Christianity]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. (in Russian).
2. Bernshtam, T. A. (1988). *Molodezh' v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX - nachala XX v. Polovozrastnoy aspekt traditsionnoy kul'tury* [Youth in the ritual life of the Russian community in the 19th - early 20th centuries. Gender and age aspect of traditional culture]. Leningrad, Sankt-Peterburgskaya izdatel'sko-knigotorgovaya firma "Nauka". (in Russian).
3. Gordon, A. V. (1996). *Khozyaystvovanie na zemle – osnova krest'yanskogo mirovo-spriyatiya* [Managing the land is the basis of the peasant worldview] in *Mentalitet i agrarnoe razvitiye Rossii (XIX-XX vv.)*, Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, 14.06.1994 – 15.06.1994. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 51-74. (in Russian).
4. Dal', V. I. (2007). *Poslovitsy russkogo naroda: v 2 t. T. 1.* [Proverbs of the Russian people: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Azbuka. (in Russian).
5. Dal', V. I. (1994). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]: v 4-kh t., t. 4. Moscow, Russkiy yaz. (in Russian).
6. Danilova, L. V., Danilov, V. G. (1996). *Krest'yanskaya mental'nost' i obshchina* [Peasant mentality and community] in *Mentalitet i agrarnoe razvitiye Rossii (XIX-XX vv.)*, materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Moscow, 22-39. (in Russian).
7. Dubasov, I. I. (1993). *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraya* [Essays from the history of the Tambov region]. Tambov, Tamb. gos. ped. in-t. (in Russian).
8. *Zhivaya voda: Sbornik rus. nar. pesen, skazok, poslovits, zagadok: [Dlya sred. i st. vozrasta]* (1977) [Living water: Collection of Russian. nar. songs, fairy tales, proverbs, riddles: [For middle and older], Compiler, introductory article and notes V. P. Anikina. Moscow, Det. lit. (in Russian).
9. Kozlova, N. N. (1999). *Sotsial'no-istoricheskaya antropologiya* [Socio-historical anthropology]. Moscow, Klyuch. (in Russian).
10. Maksimov, S. V. (1987). *Kul' khleba i ego pokhozhdeniya* [A sack of bread and its adventures]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (in Russian).
11. Milov, L. V. (1996). *Prirodno-klimaticheskii faktor i mentalitet russkogo krest'yanstva* [Natural and climatic factor and the mentality of the Russian peasantry] in *Mentalitet i agrarnoe razvitiye Rossii (XIX-XX vv.)*, materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Moscow, Nauka, 40-56. (in Russian).

12. Mironov, B. N. (1999). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII - nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva*. [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII - early XX century): Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. (in Russian).
13. *Narodnaya proza* [Folk prose]. (1992). Compiler, introductory article and notes S. N. Azbeleva. Moscow, Russkaya kniga. (in Russian).
14. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 3 t., t. 3.* [Folk Russian fairy tales by A. N. Afanasyev: In 3 vols. T. 3.] (1957-1958). Preparation of the text, preface and notes by V. Ya. Propp. Moscow, State Publishing House of Fiction (Goslitizdat). (in Russian).
15. Popov, G. (1991). *Russkaya narodno-bytovaya meditsina (Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya SPb., 1903)*. [Russian folk medicine (A reprint of the Saint-Petersburg issue of 1903)]. Moscow, Globus. (in Russian).
16. Rensel, D. (1996). «*Starye mladentsy*» v russkoy derevne ["Old babies" in the Russian village] in *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX-XX vv.), materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Moscow, Nauka, 106-114. (in Russian).
17. Semenova-Tyan-Shanskaya, O. P. (2010). *Zhizn' «Ivana»: ocherki iz byta krest'yan odnoy iz chernozemnykh guberniy* [The life of "Ivan": essays from the byte of the peasants of one of the Chernozem provinces]. Moscow, Lomonosov. (in Russian).
18. Semenova, O. P. (1898). *Smert' i dusha v pover'yakh i rasskazakh krest'yan i meshchan Ryazanskogo, Ranenburgskogo i Dankovskogo uezdov Ryazanskoy gubernii* [Death and soul in the beliefs and stories of the peasants and philistines of the Ryazan, Ranenburg and Dankovsky districts of the Ryazan province] in *Zhivaya starina*, vyp. 2; kn. XXX. St. Petersburg, tipografiya knyazya V. P. Meshcherskogo. (in Russian).
19. Strekalov, D. V., Strekalova, N. V. (2019). *K probleme rozhdaemosti v Provint-sial'nom Rossiyskom gorode v kontse VIII – v pervoy polovine XIX veka (na materialakh Tambova)* [On the problem of fertility in a provincial Russian city at the end of the VIII - in the first half of the 19th century (based on Tambov materials)] in *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarne nauki*, 24, 128-139. (in Russian).
20. Shidlovkiy, K. (1883). *K kharakteristike narodnykh vozzreniy na etiologiyu, sushchnost' i terapiyu bolezney. Iz nablyudeniy zemskogo vracha* [To the characterization of popular views on etiology, essence and therapy of diseases. From the observations of a zemsky doctor] in *Meditsinskiy vestnik*, 52, 841-842. (in Russian).
21. Yurganov, A. L. (1998). *Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury*. [Categories of Russian Middle Age Culture]. Moscow, MIROS. (in Russian).